

О некоторых языковых явлениях в свете теории концептуальной интеграции Ж.Фоконье и М.Тернера

Татьяна Георгиевна Скребцова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кафедра математической лингвистики
Университетская набережная, д.11, Санкт-Петербург, Россия, 199034
дом. тел.: (812) 535-2741
e-mail: tanyaskr@TS7676.spb.edu*

Скребцова Татьяна Георгиевна - закончила филологический факультет Ленинградского государственного университета по специальности “структурная и прикладная лингвистика”. В 1996 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности “русский язык” в Институте лингвистических исследований Российской Академии наук. 1997 г. была на стажировке в Калифорнийском университете (Беркли). В настоящее время работает старшим научным сотрудником в Институте лингвистических исследований РАН и старшим преподавателем в Санкт-Петербургском государственном университете. Автор ряда статей по семантико-синтаксическим свойствам русских глаголов, структурной и когнитивной лингвистике. Автор монографии “Американская школа когнитивной лингвистики” (СПб, 2000). Сфера научных интересов – лексическая и грамматическая семантика, компьютерная лексикография, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика.

Теория концептуальной интеграции Ж.Фоконье и М.Тернера представляет собой одно из современных направлений американской школы когнитивной лингвистики. Она является дальнейшим развитием теории ментальных пространств Ж.Фоконье. Статья содержит краткий обзор обеих теорий. Особое внимание уделяется разнообразным проявлениям механизма концептуальной интеграции на языковом уровне. Англоязычный иллюстративный материал Ж.Фоконье и М.Тернера дополняется анализом некоторых лексических и грамматических явлений русского языка.

Теорія концептуальної інтеграції Ж.Фоконьє і М.Тернера являє собою один з сучасних напрямів американської школи когнітивної лінгвістики. Вона є подальшим розвитком теорії ментальних просторів Ж.Фоконьє. Стаття містить короткий огляд обох теорій. Особлива увага приділяється різноманітним виявам механізму концептуальної інтеграції на мовному рівні. Англomовний ілюстративний матеріал Ж.Фоконьє і М.Тернера доповнюється аналізом деяких лексичних і граматичних явищ російської мови.

G.Fauconnier and M.Turner’s theory of conceptual integration is one of the most promising fields of research that constitute today the American school of cognitive linguistics. The theory is an elaboration of G.Fauconnier’s original conception of mental spaces. The article presents a short review of both theories. Particular emphasis is laid on linguistic manifestations of the conceptual integration mechanisms. Russian vocabulary and grammar are viewed from this standpoint, along with G.Fauconnier and M.Turner’s English-language examples.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, ментальное конструирование, лексическая и грамматическая семантика.

Последние 15-20 лет в лингвистике ознаменованы повышенным вниманием к когнитивным аспектам языка. Как известно, в 1989 г. произошло организационное оформление так называемой “когнитивной лингвистики” – междисциплинарного направления научной мысли, провозгласившего неразрывную связь языка с когницией и выдвинувшего в качестве своего главного предмета изучения языковое значение как часть общей понятийной системы человека (подробнее о теоретических основах когнитивной лингвистики см., например, [Баранов, Добровольский 1997; Рахилина 1997, 1998; Ченки 1996, 1997; Скребцова 2000]). Фактически, однако, зарождение данного направления обычно связывают с 1976 г., когда вышла в свет знаменитая книга Дж.Миллера и Ф.Джонсон-Лэрда “Язык и восприятие” [Miller, Johnson-Laird 1976]. Теория концептуальной интеграции Жилия Фоконье и Марка Тернера, безусловно, входит в своеобразный “золотой фонд” когнитивной лингвистики – наряду с такими яркими и самобытными концепциями, как когнитивная грамматика Р.Лангакера, топологическая семантика Л.Талми, концептуальная метафора Дж.Лакоффа и М.Джонсона, ментальные модели Ф.Джонсон-Лэрда и т.д.

Теория концептуальной интеграции Ж.Фоконье и М.Тернера является дальнейшим развитием теории ментальных пространств, впервые опубликованной в [Fauconnier 1985]. Ментальные пространства в концепции Ж.Фоконье используются для моделирования механизмов языкового понимания. Языковые выражения, по мысли автора, – это инструкции, в соответствии с которыми осуществляется некое ментальное конструирование ситуаций: реальных, гипотетических или вымышленных (например, сюжетов книг, кинофильмов и т.д.). Это конструирование организуется при помощи ментальных пространств, которые формально определяются как упорядоченные множества с элементами ($a, b, c, \dots$) и отношениями между ними ($R_{1ab}, R_{2ad}, R_{3cbf}, \dots$), открытые для пополнения их новыми элементами и отношениями соответственно.

В содержательном отношении ментальные пространства представляют собой модели дискурсно-го понимания, которые создаются, уточняются и претерпевают постоянные изменения в процессе коммуникации. Как таковые, они обладают большой гибкостью и в каждый данный момент не обязаны сохранять последовательность и непротиворечивость, что в целом отражает особенности человеческого общения и, следовательно, позволяет более адекватно моделировать процесс речевого восприятия.

Преимущества своей концепции по сравнению с формально-семантическими подходами к анализу значения Ж.Фоконье демонстрирует на примере предложений типа *In Len's painting, the girl with blue eyes has green eyes* (“На картине Лен голубоглазая девочка изображена зеленоглазой”), которые просто не поддаются анализу в рамках последних (так как, в соответствии с критериями истинности, одна и та же девочка не может быть голубоглазой и зеленоглазой). В модели Ж.Фоконье такому предложению соответствуют два связанных между собой ментальных пространства: одно отражает действительный мир (у девочки голубые глаза), другое – мир, как его воспринимает Лен (у девочки зеленые глаза).

Вообще, согласно Фоконье, ментальные пространства призваны не отражать так называемую “объективную действительность” (о позиции представителей когнитивной лингвистики по таким философским проблемам, как истина, объективность и др. см. [Lakoff 1987]), но воплощать образ того, как человек думает и говорит о тех или иных вещах, при этом не заключая никакой информации о самих этих вещах (ср. “Солнце встает, садится, движется по небосклону, вышло из-за тучи” и т.д.). Таким образом, ментальные пространства по своей природе когнитивны и не имеют онтологического статуса вне человеческого сознания.

В приведенном выше примере о голубоглазой / зеленоглазой девочке два ментальных пространства связаны между собой связью типа “тождество” (разумеется, речь идет лишь о референциальном тождестве). В своей книге Ж.Фоконье анализирует и другие типы связей между пространствами – аналогическое и метафорическое отображение, связь функции и значения, метонимический перенос. Собственно говоря, в этих размышлениях автора о типах взаимодействия пространств друг с другом и о языковых выражениях, способных тем или иным образом соединять между собой уже имеющиеся пространства или вводить новые, уже содержатся основы теории концептуальной интеграции, которую Ж.Фоконье, начиная с 1994 г., разрабатывает совместно с американским литературоведом М.Тернером (публикации по данной теории см. в Интернет по адресу <http://www.wam.umd.edu/~mturn/>).

Концептуальная интеграция определяется авторами как базовая когнитивная операция, лежащая в основе способности человека к рассуждению, умозаключению, оценке, принятию решения, изобретению и т.д., обладающая динамизмом и гибкостью, совершающаяся быстро и неосознанно. Концептуальная интеграция осуществляется в процессе динамического построения значения. Ее суть состоит в том,

что структуры исходных (*input*) ментальных пространств отображаются на новое, конструируемое, ментальное пространство – бленд (*blend*). Бленд представляет собой целостный, компактный, легко запоминаемый конструкт. Это новое, “дочернее”, концептуальное пространство, не тождественное ни одному из исходных пространств и не сводимое к сумме их элементов. Оно обладает своим собственным, новым, значением и в этом подобно ребенку, наследующему от родителей определенные черты, но развивающему собственную идентичность.

Так, например, предложение *This surgeon is a butcher* (“Этот хирург – мясник”) представляет собой бленд как результат проекции двух исходных пространств: пространства “хирурга” и пространства “мясника”. Бленд наследует некоторые элементы структуры каждого из пространств: из первого заимствуются агент (хирург) и пациент, а также, возможно, обстановка (операционная), из второго – роль мясника и связанные с ней действия, их цель и результат. Выборочность отображения позволяет добиться желаемого: именно в бленде возникает признак профессиональной некомпетентности, которого нет ни в одном из исходных пространств (предполагается, что типичный хирург и типичный мясник разбираются в своем деле). Каким же образом в бленде появляется это значение? Фоконье и Тернер объясняют это так: из пространства “мясника” наследуется связь между действием и результатом (убить животное), которое оказывается несовместимо с аналогичной связью в пространстве “хирурга” (вылечить пациента). В структуре бленда имеются хирург, пациент, но хирург “исполняет роль” мясника с соответствующими действиями, целью и результатом.

Разумеется, подобные примеры, связанные с метафорической проекцией, немедленно вызывают в памяти теорию концептуальной метафоры Дж.Лакоффа и М.Джонсона [Lakoff, Johnson 1980]. Но сравнительный анализ достоинств и недостатков того и другого подходов – это отдельная тема, уже затрагивавшаяся в публикациях. Метафорические высказывания типа *This surgeon is a butcher* или *They are digging their financial grave* на самом деле составляют лишь малую толику того удивительно широкого круга явлений, в которых, по мнению Ж.Фоконье и М.Тернера, проявляется действие механизма концептуальной интеграции. И это не удивительно: ведь концептуальная интеграция провозглашается не более и не менее, как той самой когнитивной операцией, которая обусловила в свое время эволюционный скачок и присуща современному человеку как биологическому виду. Отсюда – столь разнообразный материал исследования: теория игр, реклама, карикатуры, притчи, загадки, поэтические тексты, метафорические и метонимические переносы, контрфактивные высказывания (типа “*Если бы Черчилль был премьер-министром в 1938 г., Гитлер был бы свергнут, а Вторая мировая война предотвращена*”), окказионализмы, грамматические конструкции и др.

Многообразие материала вызывает желание его как-то систематизировать. Так, действие концептуальной интеграции можно наблюдать на чисто графических образах – карикатурах, вывесках, рекламных плакатах (что, кстати, служит лишним подтверждением той распространенной в современной психолингвистике мысли, что мышление не обязательно вербально). Однако, в большей части приводимых авторами примеров концептуальная интеграция выражается на языковом уровне. Но, с лингвистической точки зрения, здесь важно отделить те явления, в которых язык служит всего лишь формой выражения соответствующей когнитивной операции, от явлений собственно-языковых, где именно особенности грамматического строя того или иного языка обуславливают возможность создания определенных блендов.

Ж.Фоконье и М.Тернер не проводят такого деления, но можно предположить, что к первой группе относится широкий спектр литературоведческого и культуроведческого материала – загадки, шутки, притчи, поэтические произведения, философские тексты и т.д., – которые могут быть культурно-специфичными, но в принципе переводимы на другие языки. Далее, к универсальным (или, по крайней мере, широко распространенным в языках мира) случаям проявления концептуальной интеграции можно причислить стереотипные способы выражения контрфактивности, а также сравнение, метафорический и метонимический переносы.

Однако, для лингвиста наибольший интерес представляет вторая группа, а именно, собственно-языковые бленды. Соответствующие примеры у Ж.Фоконье и М.Тернера рассыпаны по разным работам, и, насколько нам известно, никогда не предпринималось попыток хотя бы приблизительно очертить круг языковых явлений, задействующих механизм концептуальной интеграции (даже на примере английского языка). Если бы это было сделано, перед исследователями открылись бы интересные горизонты для межъязыковых сравнений. Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающее описание подобных явлений

в русском языке, остановимся на некоторых из них (при этом своеобразной точкой отсчета будут служить примеры Ж.Фоконье и М.Тернера из английского языка).

1. Основанные на языковой игре окказионализмы типа *McJobs* (= *McDonalds* + *jobs*) – для обозначения неквалифицированной, низкооплачиваемой и лишенной перспектив карьерного роста работы – или *Chunnel* (= *English Channel* + *tunnel*) – тоннель под Ла-Маншем. В русском языке нетрудно найти аналогичные употребления; подобная языковая игра была особенно популярна в России в начале 90-х гг. XX в. в связи с переходом к рыночной экономике и усвоению западных ценностей, ср. “прихватизация”, “дерьмократия”.

2. Словосочетания, строящиеся в английском языке по модели N_1N_2 или N_1 of N_2 , где N_1 и N_2 – существительные. В частности, Ж.Фоконье и М.Тернер проводят сравнительный анализ словосочетаний *boat house* (помещение, в котором хранятся лодки) и *house boat* (плавучий дом, используемый для летнего отдыха). Оба эти выражения предполагают одинаковые исходные пространства – суша и вода (дома ассоциируются с сушей, а лодки – с водой), но концептуальная интеграция осуществляется по-разному, и в итоге получаются разные бленды (т.е. разные значения). Анализ этой ситуации дал основание авторам подвергнуть сомнению популярный взгляд, согласно которому язык есть код: говорящий “кодирует”, “зашифровывает” понятийную структуру в языковую структуру, а она затем “расшифровывается” слушающим обратно в понятийную структуру. Поскольку данные языковые выражения с различными понятийными структурами используют одну и ту же грамматическую модель, непонятно, каким образом слушающему удается правильно их “раскодировать”.

На материале русского языка можно выделить несколько параллелей с приведенными выше примерами. Во-первых, это генитивные конструкции (о многообразии значений родительного падежа в русском языке см., например, [Михеев 2000]), которые даже могут иногда характеризоваться неоднозначностью, возможностью двоякой “расшифровки”, что еще более усиливает сходство с английским примером, ср. “портрет Иванова” (родительный субъекта или объекта?). Во-вторых, это сложные и сложносоставные слова (типа “кресло-качалка”, “сестра-хозяйка”), а также (возможно) некоторые сложносокращенные слова (при “прозрачности” их “внутренней формы”) типа “завкафедрой”, “спортивентарь” и т.д. В-третьих, это словосочетания, образующиеся по модели “относительное прилагательное + существительное”. Известно, что относительные прилагательные характеризуются весьма широкой и зачастую размытой семантикой, которая в каждом конкретном случае “уточняется” соответствующим существительным, ср. “лесная хижина” (расположенная в лесу) – “лесной институт” (готовящий специалистов по лесоводству); “золотые серьги” (сделанные из золота) – “золотая руда” (содержащая золото) – “золотое оружие”, “золотая карета” (украшенная золотом). Возможно, найдутся и еще какие-то аналоги.

Ж.Фоконье и М.Тернер приводят любопытные примеры того, как N_1 и N_2 могут быть выражены, казалось бы, несовместимыми друг с другом словами – таковы словосочетания *computer virus* и *same-sex marriage* (настоящий оксюморон!). В концепции В.Г.Гака это явление известно под названием “семантического рассогласования”. В.Г.Гак утверждает, что со временем рассогласование может перейти в согласование, если произойдет возникновение или, наоборот, угасание некоторой семы [Гак 1972]. В терминах теории концептуальной интеграции, соответственно говорится об “адаптации” подобных “конфликтных” блендов, которая связана с расширением соответствующих категорий (“вирус”, “брак”), что позволяет включить в них и эти неожиданные разновидности.

3. Наконец, согласно Ж.Фоконье и М.Тернеру, некоторые грамматические конструкции английского и французского языков позволяют задействовать механизм концептуальной интеграции для целостного представления ряда событий в их причинно-следственной связи. Так, например, английский глагол *to throw* (“бросать”), благодаря своим лексико-грамматическим свойствам, позволяет представить физическое действие агента, объект действия, его исходную точку, траекторию перемещения, конечную точку в виде единого целостного события: *Jack threw the napkin off the table* (“Джек сбросил салфетку со стола”). Ср. представление схожего физического действия в “разорванном” виде – как последовательность действий и состояний: *Jack sneezed. The napkin moved. It was on the table. Now it is off the table* (“Джек чихнул. Салфетка переместилась. Она была на столе. Теперь ее там нет”). Однако, несмотря на изначальную непереходность глагола *to sneeze* (“чихать”), английский язык допускает и употребления типа *Jack sneezed the napkin off the table* (досл. “Джек счихнул салфетку со стола”), – и они представляют собой продуктивное явление в современном английском языке. Ж.Фоконье и М.Тернер рассматривают это употребление как бленд двух исходных пространств, представленных приведенными выше примерами.

ми. По их мнению, возможность таких блендов обусловлена когнитивными причинами – стремлением человека связать воедино все элементы сценария и представить их в целостном виде.

Данная продуктивная для английского языка модель не имеет нормативных аналогов в русском. Однако, очевидно, что именно это явление мы наблюдаем в таком намеренно отклоняющемся от нормы употреблении, как “*Его ушли с работы*”. Когнитивные факторы “работают”, по-видимому, и в просторечном “*гулять собаку*”, где понятийное содержание (собака – скорее объект действия, чем равноправный партнер) навязывает соответствующую языковую форму.

Разумеется, рассмотренные выше примеры – не более чем отдельные (и довольно случайные) фрагменты общей картины того, как механизмы концептуальной интеграции действуют на языковом уровне. Представляется, что дальнейшее систематическое изучение этой темы могло бы стать плодотворным как с точки зрения когнитивных исследований, так и для собственно лингвистической проблематики.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56, N 1. С. 11–21.
2. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 370–389.
3. Рахилина Е.В. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып 36. М., 1998. С.274–323.
4. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. N 2. С. 68–78.
5. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340–369.
6. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб, 2000.
7. Miller G., Johnson-Laird P. Language and perception. Cambridge, 1976.
8. Fauconnier G. Mental spaces. Cambridge, 1985.
9. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
11. Михеев М.Ю. *Жизни мышья беготня* или *тоска тщетности?* (о метафорической конструкции с родительным падежом) // Вопросы языкознания. 2000. N 2. С. 47– 70.
12. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.